
ЗАРУБІЖНА НАУКА. МІЖНАРОДНЕ НАУКОВО-ТЕХНІЧНЕ СПІВРОБІТНИЦТВО

УДК 001+32:001.3

Ю.М. Батурин

Причины конфликтности в отношениях науки и власти и поражение Российской академии наук в 2013 году

С применением теории рефлексивных игр в статье рассмотрена общая проблема отношений науки и власти и дано теоретическое осмысление реформы РАН, проведенной правительством Российской Федерации в 2013 г.

Поражение Российской академии наук в конфликте с российской Властью, вызванном решением Власти в середине 2013 г. без всякого обсуждения реформировать систему фундаментальной науки в стране, уже осенью стало свершившимся фактом. Историю этого короткого противостояния Власти и Науки предстоит написать, обсудить и сделать выводы. Ниже предлагается анализ лишь одного из аспектов процесса, ставшего наглядной иллюстрацией крайних форм властвования.

«Власть — это стратегические игры», — писал М. Фуко, понимая под игрой «множество процедур, приводящих к определенному результату, который — в зависимости от принципов и процедурных правил — можно считать значимым или незначимым, выигрышным или проигрышным» [1, с. 264, 267].

Н. Луман среди процедур власти называет «рефлексивность процесса власти», говоря о ней как об «очень эффективной процессуальной структуре» [2, с. 65]. Поэтому мы сейчас и используем рефлексивные игры, «способствующие

тому, что одни пытаются обуславливать поведение других — на что другие реагируют попытками не позволять обуславливать свое поведение, или в ответ обуславливать поведение первых» [1, с. 268].

Рассмотрим простейшее взаимодействие (рефлексивную игру) двух акторов (игроков) — А и В. Пусть актер А — Власть, актер В — Наука.

Будем понимать Науку как обобщенное обозначение сложного актора, включающего систему знаний, ученых, занимающихся научными исследованиями, и институциональные формы их объединения.

Аналогично, будем понимать под Властью обобщенное обозначение сложного актора, включающего государственные органы, политических деятелей и группы влияния.

По определению Роберта Даля (несколько упрощенное определение Макса Вебера, хорошо корреспондирующееся с интерпретацией игры М. Фуко [см. 1, с. 268]): «А имеет власть над В настолько, насколько А может заставить В сделать то, что В не стал бы делать самостоятельно» [3, с. 201]. Тогда, согласно приведенному опре-

© Ю.М. Батурин, 2013

делению, способность Власти добиться от Науки поведения, соответствующего воле Власти, которого Наука в иных условиях не придерживалась бы, — суть обычные отношения господства-подчинения (рис.1).

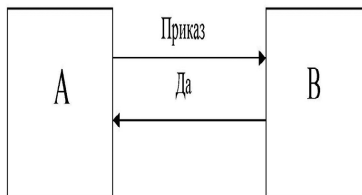

Рис. 1. Ситуация «приказ – подчинение»

Из данного определения, во-первых, следует, что отношение власти — отношение неравенства, асимметричное отношение, а во-вторых, — что «в отношениях власти необходимо имеется возможность сопротивления, так как если бы не было возможности сопротивления,.. отношений власти не существовало бы вовсе» [1, с. с. 257–258]. Так что там, где есть власть, есть и сопротивление, причем не пассивное, а в виде контрстратегии. Среди ведущих концепций власти есть даже «теории сопротивления» (Д. Картрайт, Дж. Френч, Б. Рейвен и др. [см. 4, с. 67]), в которых актер *A* подавляет сопротивление актора *B*, если пользоваться нашими обозначениями.

Сопротивление власти — не внешнее по отношению к власти, оно внутри власти (во взаимодействии, отношении). М. Фуко интерпретирует сопротивление как эффект самой власти. Или, как пишет Д. Батлер, комментируя М. Фуко, сопротивление есть «самоподрыв» власти [см. 5, с. 81].

Степень сопротивления для разных акторов различна. Скажем, для армии, которая строится на абсолютизации приказа и его безусловного выполнения, интенсивность силы сопротивления Власти не велика, но все-таки есть, свидетельство чему — военные перевороты, коих в истории можно насчитать немало.

Иное дело — Наука. Власть, отдавая приказ, всегда ожидает подчинения и толь-

ко подчинения. Наука в этом отношении неизменно вызывала и вызывает подозрения Власти, хотя Наука переворотов не устраивала. «Под сомнение ставится именно способ циркуляции и функционирования знания, его отношения с властью. Словом, режим знания» [1, с. 167]. Причина в том, что ученые, приверженные академическим свободам, истину ставят выше идеологических и политических утверждений, задаваемых обществу в качестве аксиом, то есть пытаются их либо доказать, либо опровергнуть. Иначе говоря, они проверяют приказы Власти на целесообразность, осуществимость, эффективность и т.п. Это важно и для самой Власти. «Чтобы осуществлялись отношения власти, — пишет М. Фуко, — всегда необходимо, чтобы у двух сторон присутствовала хотя бы какая-нибудь форма свободы» [1, с. 257]. Наука исторически завоевала себе академические свободы, которые шире среднедопускаемых Властью в обществе. Кроме того, найденные в процессе проверки приказов Власти ошибки Наука стремится исправить. Это необычно для подчиненных акторов. Именно в противоречии представлений Власти о пределах свободы, допустимой при сопротивлении приказам Власти, и масштабом академических свобод заложена принципиальная конфликтность отношений Власти и Науки.

Д. Ронг указывает следующие основные способы сопротивления актора *B*: 1) попытка разрушения власти актора *A* и замены ее иной властью; 2) борьба за установление собственной власти (актора *B*); 3) борьба за изменение власти путем трансформации власти актора *A*; 4) ограничение власти актора *A* путем сокращения числа сфер влияния и его интенсивности; 5) попытка выйти из сферы влияния актора *A* [см. 4, с. 77–78].

Разберем все перечисленные способы сопротивления применительно к Науке (актор *B*). Может ли возникнуть ситуация, когда Наука способна добиться от Власти поведения, соответствующего воле Науки, которого Власть в иных условиях не придерживалась бы?

Первый способ абсолютно не свойствен Науке и никогда ею не применял-

ся. Второй способ интересен чисто теоретически. Об этом мечтал Огюст Конт. В его утопии Наука становилась Властью, но в реальности это невозможно, ибо сущность Власти — быть самоцелью, смысл Власти — господство, но не подчинение, и если Наука становится Властью, она теряет свою сущность (также быть самоцелью) и меняет свой смысл (назовем это парадоксом Конта).

В отличие от двух первых способы третий и четвертый вполне осуществимы. Дж. Френч и Б. Рейвен указывают на то, что в этих ситуациях степени и формы сопротивления различны и могут оказаться успешными в зависимости от природы мотиваций. К этому мы еще вернемся.

Что же касается пятого способа, он в современных условиях не осуществим (кроме как, быть может, для отдельных теоретиков, которым, кроме бумаги и компьютера, для исследований ничего не нужно). К тому же уход из сферы влияния абсолютно безопасен для Власти. Этот способ в масштабах страны неосуществим, потому что Наука зависима от Власти, по крайней мере, из-за потребности в финансовых средствах на проведение исследований.

Под *зависимостью* будем понимать отношение «приказ — подчинение» такое, что актер *B* зависит от актора *A*, если необходимость, по крайней мере, в одном виде целенаправленного воздействия (деятельности) актора *B* отлична от возможности его реализации, определяемой актором *A*. Нетрудно видеть, что приведенная формула очень близка по смыслу к определению Р. Даля. Это означает принципиальное значение зависимости во властных отношениях, а сопротивление, которое, как мы видели, оказывается их другой важной характеристикой, направлено на уменьшение зависимости *B* от *A*.

Из определения зависимости следует, что она есть определенное противоречие между возможностью и необходимостью реализации некоторого (воз)действия одного из акторов, которое как-то разрешается. Как? Ответ лежит в сфере мотивации действий, точнее, в возможности влияния на мотивы другого актора, то есть

в рефлексивном воздействии. Другими словами, в основе механизма зависимости лежит возможность влияния на удовлетворение интересов и на мотивы.

Таким образом, асимметричность властных отношений означает следующее: актер *B* оказывается зависимым от актора *A*, если *B* воспринимает *A* как обладающего властью по отношению к нему самому. Следовательно, влияние одного субъекта на другого определяется и восприятием (рефлексией) некоторой субординации. Но и обратно: рефлексией возможно корректировать поведение актора *A*. Вот она — форма сопротивления актора *B* через воздействие на мотивацию! Таким образом, Наука, как актер, оказывается игроком в некоторой рефлексивной игре. Особенность такого актора-игрока — способность к рефлексии высокого ранга.

Добиться подчинения, то есть нужного поведения можно разными способами, — в частности, с помощью командного управления, рефлексивного управления, а вообще говоря, их сочетанием — смешанным управлением (рис.2). Однако ранг рефлексии Власти (государства) заведомо ниже ранга рефлексии Науки в силу особой природы этого актора, а также ввиду того, что Власти, обладающей силовым ресурсом, нет необходимости вырабатывать у себя рефлексии высокого ранга.

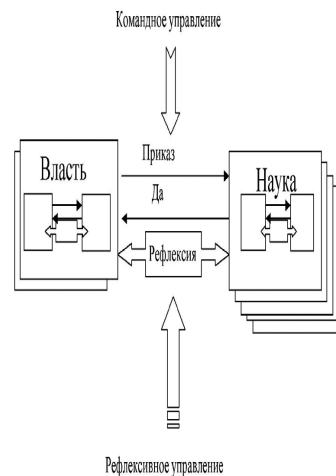

Рис. 2. Смешанное управление

Наука добивается от Власти (государства) своих целей (в первую очередь, финансирования поиска научной истины) только с помощью рефлексивного управления (переводя высокие интересы поиска истины рефлексивным образом на понятный власти язык утилитарных интересов государства). Власть не без оснований опасается, что в результате рефлексивного управления со стороны Науки она подвергнется трансформации, ограничению сфер влияния (третий и четвертый способы сопротивления из указанных выше) или даже будет заменена властью Науки (пятый способ, восходящий к парадоксу Конта). Для Науки ясна суть этого парадокса и неосуществимость модели (утопии) Конта, поэтому она никогда не пытается взять Власть (как не пытается создать «вечный двигатель»). Но для Власти невозможность *perpetuum mobile* не очевидна. Кроме того, из-за невысокого ранга собственной рефлексии, Власть завышает ранг рефлексии Науки, представляющий, в ее представлении, опасность для Власти в смысле осуществления третьего и четвертого способов сопротивления. (На самом деле, более высокий ранг рефлексии не гарантирует проигрыша от хода игрока с низким рангом рефлексии [см. 6, с. 44, 47]). Когда разрыв в рангах рефлексии Власти и Науки и их представлениях о рангах рефлексии (своего и другого) становится выше некоторого предела, возникают кризисы в отношениях Власти и Науки.

Роберт Даль использовал ресурсный подход к власти: ресурс — все, что актер может использовать для влияния на других акторов. Тогда осуществление власти — способность превращать ресурсы во влияние. Ресурсы власти: деньги, сила, информация, авторитет, наконец, наука. Таким образом, Наука — не только актер-игрок, но и один из ресурсов Власти.

Интересно проследить эволюцию этого властного ресурса.

В далеком прошлом знание всегда служило основанием Власти, более того,

Власть и ученость отождествлялись. Впрочем, согласно Б. Расселу, знание и ученость как основание Власти относились не столько к подлинной учености, сколько к предполагаемому обладанию магическим могуществом [7, с. 169]. Подобная связь знания и Власти сегодня сохранилась лишь в самых диких племенах. Развитие образования в ходе общественного прогресса почти полностью развело Науку и Власть.

В войнах XIX в. небольшое число ученых привлекалось на время, чтобы давать правительствам советы относительно военных программ, зависящих от научно-технических достижений. Первая мировая война привела к более тесным отношениям между Властью и Наукой. Затем возникли феномены СССР и Франции. В СССР научные исследования становятся направляемыми (планируемыми). Но это приводит к провалам — биология, генетика, кибернетика. Во Франции вовлечение ученых в процесс принятия политических решений в 1939 г. привело к созданию национального центра научных исследований. Правительство взяло на себя ответственность за фундаментальные исследования. Наконец, атомная бомба принципиально изменила отношения Власти и Науки.

Отношения, сложившиеся между Наукой и Властью в середине прошлого века заложены в природе современной науки, но и в природе самой власти, безотносительно эпохи (времени).

Знание есть власть (в смысле определения Р. Даля). Поэтому Власти нужна Наука и поэтому Власть боится Науки.

Власть есть знание (в смысле властного ресурса). Поэтому Наука как актер-игрок сотрудничает с Властью.

Наука есть ресурс Власти, но в то же время Наука использует властные ресурсы (политическую волю, деньги и т.п.)

В утопии Огюста Конта Наука становится Властью (мы выяснили, что это невозможно). Но его утопия, как предельный случай взаимоотношений

Власти и Науки, показывает предельно малую область совпадения интересов Власти и Науки: 1) знание есть власть (влияние) и 2) власть есть знание (властный ресурс). В остальном их интересы и цели расходятся, становясь строго или не столь строго противоречивыми.

Знание как ресурс усиливает власть, власть как ресурс помогает накоплению знаний. Только в этой точке цели Власти и Науки не противоречат друг другу. Вообще же, коллизия между Властью и Наукой заложена в природе Власти и в природе Науки. Они нужны друг другу, но всегда будут недовольны друг другом — не потому, что тот или другой плох, но по объективным законам физики власти и философии науки.

Строгое противоречие означает жесткую конфронтацию Власти и Науки, когда Власть предписывает науке определенные действия, рассматриваемые Наукой как ошибочные и вредные для государства. Такая ситуация является типичной для разных стран, политических режимов, типов экономик, поскольку соответствует природе Власти и природе Науки [см. 8].

Нестрогое противоречие приводит к добрососедским отношениям Власти и Науки как в XIX веке или в 1920–1930-е годы в СССР: Власть поддерживает научные исследования, хотя и рассматривает их как излишество, а Наука не в состоянии требовать всего необходимого.

У Власти есть достаточные основания для финансирования научной деятельности, и среди них на первом месте стоят оборона (военные задачи) и безопасность самой Власти. Ниже по приоритету и по размерам ассигнований располагаются престиж и экономические задачи. Затем идут задачи социальные (здравоохранение, пенсии и др.). И лишь в конце списка оказывается собственно развитие Науки. Последнее место Науки в этом ряду объясняется рядом причин:

- Власть стремится к минимизации сроков между получением научных ре-

зультатов и извлечением прибыли из их практического применения, поскольку на длительных периодах эта прибыль оказывается уже у другой Власти, а мера полезности Науки для действующей Власти не очевидна;

- по смыслу фундаментальной науки ее бюджет невозможно рассчитать рациональными методами.

Власть не может рационально рассчитывать рентабельность Науки, поэтому Наука должна доказывать Власти свою рентабельность, в том числе, используя рефлексивные процедуры.

Власть ставит под сомнение полезность Науки, потому что таков неизменный ракурс ее наблюдения. Но и Наука критикует политические решения Власти, в том числе в отношении Науки. Здесь коллизия Власти и Науки скорее инициируется Наукой. В самом деле, компетентность Науки в вопросах политики, даже когда Наука использует форму рационального доказательства на математическом языке или языке инженерных схем, преувеличена* (за исключением случаев примитивных решений Власти), ибо Власть и политика включают в себя не только рациональное, но и иррациональное, и эта область сложнее открытых Наукой законов природы.

Реформа Российской академии наук (РАН) 2013 года стала следствием перехода отношений Власти и Науки в стадию строгого противоречия. Власть приступила к силовой (с нулевым рангом рефлексии) реорганизации Академии, на первом этапе даже не скрывая своей цели — ликвидации РАН. Среди причин кризиса — и завышение Академией ранга рефлексии Власти, и боязнь Власти проиграть рефлексивную игру, и медлительность РАН в самореформировании, и большой дефицит бюджета, и ложные модели эффективности Науки, выстраиваемые для себя Властью.

* В том числе и данный анализ так же не является абсолютно верным рассуждением.

Рассмотрим рефлексивный аспект проблемы. Схематично ситуация развивалась следующим образом.

После длительного периода добрососедских отношений с Властью (не только в 1950–1970-е годы советского периода, но и позже) Наука рассматривала свои с Властью отношения как рефлексивную игру, приписывая Власти не нулевой ранг рефлексии. Отношения приказа-подчинения рассматривались Наукой как безусловные, отвечающие природе Власти. То есть смешанное управление со стороны Власти воспринималось Наукой как некая «командная константа», демонстрирующая кто есть Власть, плюс рефлексивная игра, в которой можно, воздействуя на мотивы и трансформируя целеполагания Власти, если не выиграть, то и не проиграть. Однако такие отношения Науки и Власти (рис.3) требуют выработки у государства «разумной рефлексии» [9, с. 7] для того, чтобы осуществлять разумное «управление интеллектуальными ресурсами и особенно — научным потенциалом страны» [10, с. 510].

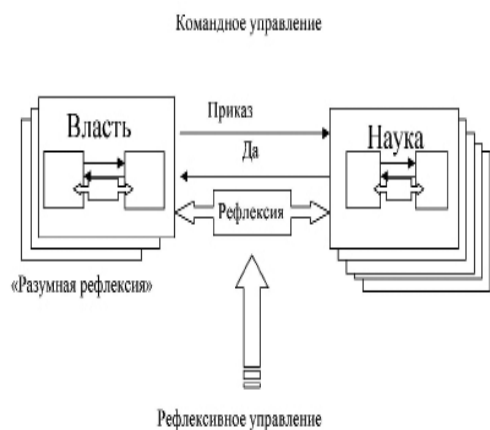

Рис. 3. Ранг «разумной рефлексии»

Власть же, не уделяя достаточного внимания развитию собственной способности к рефлексивному управлению, в какой-то момент столкнулась с ситуацией, когда ее собственное разнообразие оказалось ниже разнообразия управляемой системы (разнообразии управляемой системы (разнообразии понимается как способность распознавать, различать и понимать множество состояний системы), то есть способность Власти добиваться от управляемой системы нужного поведения оказалась под угрозой в силу закона необходимого разнообразия У.Эшби [см. 11], согласно которому управляющая система должна быть разнообразнее (умнее) управляемой. Власть отреагировала, резко усиливая командную «вертикаль». Это с необходимостью вызвало стремление Власти к тому, чтобы подчинить как можно больше структур и сфер жизнедеятельности общества, что, в свою очередь повлекло размытие (внесение неопределенности) функций органов государственного управления, распространявших свои интересы буквально все виды отношений. Как следствие, способность к рефлексии упала ниже критического значения. «Рефлексивные механизмы встречаются лишь в системах, которые обладают отчетливыми границами и могут функционально специализировать свои процессы, — пишет Н.Луман. — Обретение рефлексивности политической властью требует, например, соответствующего уровня дифференциации иерархических структур с достаточным разделением ролей» [2, с. 65].

Наука, следя за состоянием командной «вертикали», пропустила резкое снижение ранга рефлексии Власти, никак не меняя свою стратегию. Иначе говоря, Наука зависила в своем представлении ранг рефлексии Власти. Более того, ошибочно полагая, что рефлексивная игра продолжается (отсюда неуклонное стремление к переговорам с Властью), Наука не заметила, что от-

ветные ходы перестали следовать, осталась лишь «командная константа» и ситуация свелась к примитивной формуле «приказ-подчинение».

Власть, оставшись с минимальным рангом рефлексии, начинает воспринимать парадокс Конта как реально угрожающую ситуацию, поскольку рефлексивная структура

Науки не встраивается в командную «вертикаль» именно из-за опасности (для Власти) высокого ранга рефлексии (рис.4).

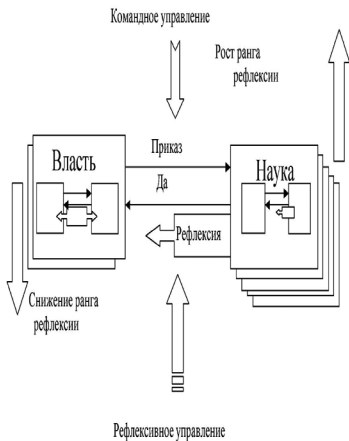

Рис. 4. Разрыв рангов рефлексии

Невысокий ранг рефлексии управляющих, по-видимому, неизбежен. Измеряя с помощью специальных психометрических методик уровень интеллекта политических лидеров с силой их влияния (власти), американские политические психологи обнаружили, что самый низкий уровень влияния оказывается у лидеров, чей интеллектуальный потенциал был в 3–4 раза ниже, но также и в 3–4 раза выше (!) среднего. Наибольшим влиянием пользовались лидеры с интеллектом лишь на 25–30 процентов превышающим средний уровень электората. Хорошо, конечно, когда вами управляет мудрое правительство, но простые избиратели предпочитают быть плохо

управляемыми людьми, которые похожи на них [12, с. 563–564]. Мудрое правительство можно получить, только поднимая общий интеллект избирателей, то есть через образование, популяризацию науки, повышение уровня культуры. Мы же сейчас находимся не на подъеме, а наоборот, спускаемся «с горки». Реформы науки, образования, культуры идут в общем русле ликвидации творческого, интеллектуального потенциала страны и подготовки простых исполнителей стандартных операций (при установке исключительно на зарабатывание денег, которые можно использовать для получения удовольствий — декларируемая цель жизни). Очевидно, руководство страны не понимает, что при успешном проведении этих реформ, очень скоро действующее правительство покажется избирателям «слишком умным» и окажется замененным на правительство вовсе примитивное.

Возвратимся к развитию рефлексивной игры Власти и Науки.

В результате сильного рассогласования представлений игроков о ранге рефлексии друг друга возник кризис. Вообще говоря, он не следует из такого рассогласования с необходимостью. Для того, чтобы кризис разразился, необходимо некое *спусковое воздействие*. Это спусковое воздействие обычно лежит в сфере мотивации действий игроков. Спусковым воздействием может стать появление нового, мощного мотива, либо резкое усиление одного из имеющихся мотивов, не получающего адекватного рефлексивного представления у другого игрока. (Заметим, что авторы идеи и законопроекта о реформе РАН так и остались неизвестными обществу. Как точно заметил проф. И.А.Исаев: «Насилие часто стремится быть анонимным» [13, с. 218]) Спусковое воздействие может сработать, только когда акторы внутренне уже предрасположены к

переходу в новое состояние. Наука была готова к изменениям, поскольку сама задержалась с собственным реформированием, и не скрывала этого, формируя информационную картину собственных планов. Власть оказалась готова к изменениям, потому что Наука осталась последним не освоенным Властью ресурсом.

Существуют мотивы двух видов: 1) каузальные (мотивы-причины) и 2) интенциональные (мотивы-намерения, мотивы-цели) [14, с. 184.] Каузальным мотивом (который в недавнем прошлом был мотивом интенциональным) реформы РАН стало решение о подстройке, а точнее – о подражании западным образцам сначала в образовании, а затем и в организации науки. Сначала общество реагировало со смешком: мол, начался процесс «оболонивания». Затем соглашалось: какая разница, как будем называть диссертантов – «бакалавры», «магистры», «кандидаты», – лишь бы деньги давали. Затем привыкли, и создалась предрасположенность к переходу в новое состояние.* И тогда возник сильнейший интенциональный мотив последующего кризиса в отношениях Власти и Науки – видимость возможность превратить в деньги (тоже ресурс Власти) имущественные ресурсы РАН и других государственных акаде-

* Сложные системы (включая государства) ищут эффективные формы управления. Часть проб оказывается удачными, тогда «удачливым» системам начинают подражать другие (даже несмотря на то, что изменилось время, условия, структура подражающей системы системы иная). Такой способ управления называется адаптивным управлением. Он оказывается эффективным при недостатке ресурсов, при нестабильной структуре системы, при слабо развитой технологии ее деятельности и невысоких интеллектуальных возможностях. Адаптивное управление используют муравьи в муравейниках, пчелиные семьи, а также аквариумные рыбы, крысы, куры и другие животные. Иногда адаптивное управление используется в обучении людей по принципу «делай как я».

мий с целью пополнить все более остродефицитный бюджет страны (рис.5).

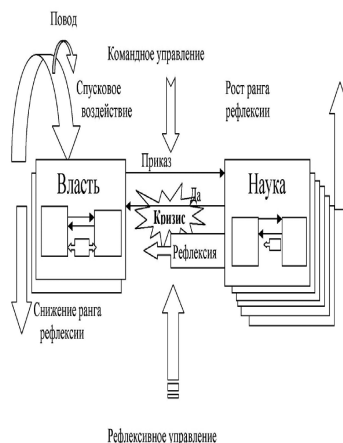

Рис. 5. Возникновение кризиса

От спускового воздействия следует отличать *повод* в гегелевском его понимании как «внешнего возбуждения внутреннего духа» (в текущих комментариях, касающихся реформы РАН, причиной реформы неверно назывались личные амбиции, месть и т.д.; они не могли стать даже спусковым воздействием, хотя имеют ясную мотивационную интерпретацию). «Внутренний дух» реформы РАН, безусловно, определяется в экономических категориях выгоды, прибыли, (не)рентабельности Науки, точнее, невозможности для Власти ее рассчитать – в нашей терминологии, спусковым воздействием. Как точно сказано у Гегеля, «только самим этим внутренним духом события нечто само по себе мелкое и случайное было определено как его повод» [15, с. 213].

Теперь заметим, что реальный механизм развития кризиса несколько сложнее. Поскольку Власть – общественное явление, необходимо учесть другие значимые акторы – профессиональные сообщества, средства массовой информации (СМИ), а в первую

Таблица 1

Уровни недоверия

	Институт	Не доверяют (%) опрошенных
1	Российская академия наук	27,5
2	Православная церковь	28,3
3	Президент РФ	34,3
4	Правительство РФ	46,1
5	Министерство образования и науки РФ	43,0
6	Федеральное <i>Государственная Дума</i>	53,8
7	Собрание РФ <i>Совет Федерации</i>	48,2
8	Средства массовой информации	46,6
9	Вооруженные силы РФ	36,1
10	Полиция	61,5
11	Местные органы власти	49,6

очередь – само общество. Это означает, что, если мы хотим уяснить пределы рациональности принимаемых решений, «надо исходить из тех функций власти, которые релевантны всему обществу в целом», как справедливо замечает Н. Луман [2, с. 151].

Рассмотрим структуру рефлексивного взаимодействия трех акторов – Власти, Науки и Общества. В качестве подтверждения необходимости включить в анализ Общество заметим, что, по данным исследовательского холдинга РОМИР в самом начале сентября 2013 года, как раз накануне третьего чтения законопроекта о реформе РАН (само исследование проводилось в июле, сразу после скандального начала реформы), наибольшим доверием граждан России среди различных институтов и структур пользовалась Российская академия наук – в целом РАН доверяли 67 % респондентов, даже больше, чем православной церкви, и впервые за многие годы [16, 17]. Такой высокий уровень общественного доверия наблюдался, несмотря на предельно смазанный портрет Науки в глазах Общества, к тому же искаженный многочисленными псевдо- и лженаучными картинками, рисуемыми СМИ.

Уровень доверия Президенту РФ и правительству РФ также был высоким – 63% и 52% соответственно (Государственной Думе и Совету Федерации Феде-

рального Собрания РФ – 44% и 47%; но законопроект о реформе РАН был представлен правительством РФ) [16, 17].

Трудно с уверенностью утверждать, что понимает Общество под «доверием». Но как рекомендует Фуко, «чтобы понять, что общество понимает под “разумностью”, надо проанализировать, что происходит в сфере умопомешательства», или надо «проанализировать, что происходит в сфере беззакония, чтобы понять, что мы имеем в виду, когда говорим о законности», чтобы понять Власть, надо проанализировать формы сопротивления [1, с. 165].

К формам сопротивления мы вернемся ниже, а пока сравним уровни недоверия, чтобы в полной мере оценить уровни доверия. Картина, согласно исследованию РОМИР выглядит следующим образом (табл.1 ([17]).

Приведенные данные показывают, что мы живем в мире недоверия, и в первую очередь, в мир недоверия погружена Власть. Отношение «доверяю / не доверяю» колеблется около значения 50 % для большинства институтов Власти. Это значит, что Общество находится в состоянии максимальной неопределенности. Лишь три института выделяются по уровню недоверия (в порядке уменьшения недоверия): Президент РФ, Православная церковь и Российская академия наук! У Академии абсолютный минимум недоверия (рис.6).

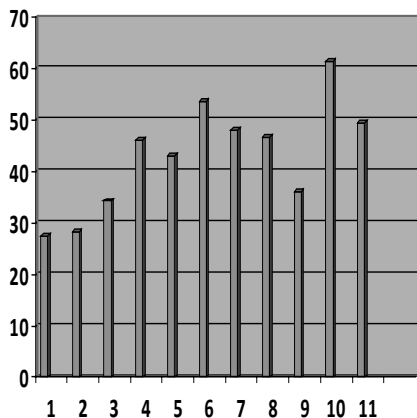

Рис. 6. Уровни недоверия (нумерация институтов соответствует табл.1)

Структура взаимного доверия трех рассматриваемых игроков – Власти, Общества и Науки – описывается графом, в котором вершины обозначают членов группы, отношение доверия – ребрами со знаком «+», а отношение недоверия – ребрами со знаком «-» (рис.7).

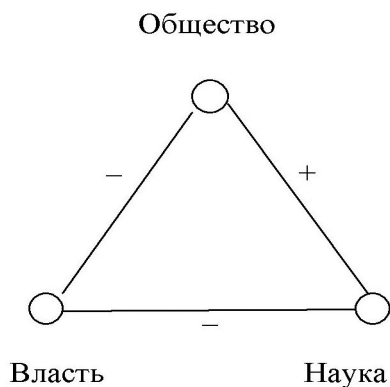

Рис. 7. Структура взаимного доверия трех игроков

Введем через отношения критерий оценки способности группы к рефлексивному взаимодействию. При значе-

нии критерия выше верхнего порога группа вполне способна к такому взаимодействию. Ниже нижнего порога – не способна. В интервале между ними возникают разрешаемые коллизии. Выберем в данном интервале точку настройки на сотрудничество, выше которой участники взаимодействия еще настроены на сотрудничество, а ниже – не настроены. Назовем ее точкой баланса. Граф считается сбалансированным, если произведение ребер-отношений знакоположительно, и не сбалансированным, если отрицательно. В сбалансированной структуре трех участников (рис.7) рефлексивное взаимодействие в принципе было возможно, благодаря доверию Общества к Науке. Таким образом, в истории с реформой РАН Общество оказалось ключевым игроком, благодаря которому события развивались относительно мирно с включением мыслительных структур.

Схематично картина взаимодействия Власти, Общества и РАН выглядит следующим образом (рис.8).

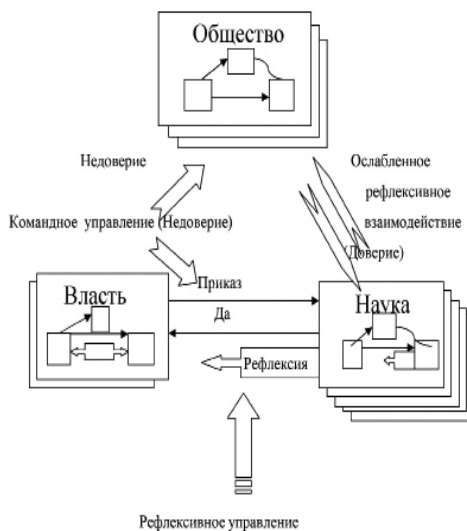

Рис. 8. Рефлексивное взаимодействие трех акторов

Ошибкой РАН было не информировать (точнее — плохо информировать) Общество об Академии как научной организации, о работе институтов РАН, о достижениях ученых, не занималась популяризацией Науки. Можно сказать, что между Наукой и Обществом существовало ослабленное рефлексивное взаимодействие.

Власть командовала Обществом, так же как и Наукой, не обременяя себя рефлексией, и не сразу поняла высокий уровень доверия Общества к РАН, что в сочетании с протестами, прокатившимися по всей стране, испугало ее и заставило взять паузу для подготовки решающего удара.

Наука своим пренебрежительным отношением к ознакомлению в научно-популярных формах Общества со своей деятельностью, потеряла мощного потенциального союзника, способного качественно изменить ход борьбы.

Со стороны Власти реформа проводилась силовым, командным способом, с минимальным рангом рефлексии. Но с точки зрения достижения поставленной цели рефлексивное управление применялось и весьма эффективно.

Прежде всего, был задействован фактор времени: в шахматах при игре в блиц развитие партии в многограновых рефлексиях не столь эффективно как быстрая реакция и нажатие кнопки шахматных часов. Власть искусственно перевела игру в режим «блица», где сложные расчеты, которыми пользовалась Наука, да еще учитывая присущее ей постоянное запаздывание, ставили ее в заведомо невыгодную ситуацию.

Полная внезапность начала «игры» не оставила Науке шанса на домашние заготовки за исключением немногочисленных реальных собственных проектов реформы РАН. Попытка принять закон о реформе РАН сразу в трех чтениях за два дня, если бы она удалась, поставили бы на Академию наук крест. Лишь мощная волна возмущения и протестов со стороны сотрудников РАН смогла задержать и отложить третье чтение законопроекта и его принятие.

«Существует множество различных сопротивлений, каждое из которых представляет собой особый случай: сопротивления возможные, необходимые, невероятные; другие — спонтанные, дикие, одинокие, согласованные, неистовые, насильственные; но и другие — готовые к соглашению, корыстные или жертвенные; по определению они могут существовать лишь в стратегическом поле отношений власти», — приводит примеры Фуко [18, с. 196]. Множество видов сопротивлений реформе самопроизвольно возникли в академическом сообществе. Митинги и протесты были самой жесткой их формой. Сопротивление с «готовностью к соглашению» стало официальной линией Президиума РАН. Между этими формами зародились такие способы сопротивления, как публикация раскрывающих суть происходящего статей в прессе (когда удавалось прорывать информационную блокаду), сатирические рисунки, стихи и песни, распространяемые в интернете и т.д. Их влияние правильно будет оценивать только в совокупности, не выделяя их по одной, и как бы не именуя — проигрышными или успешными. Эти формы сопротивления как часть отношений власти стали и частью образа Власти, который будет трудно изменить, пока живы поколения участников сопротивления.

Ловушечные ходы, которые делала Власть, были однообразными, но результативными. Имитация переговоров Власти с академиками, якобы учет поправок РАН в законопроект, из которых в действительности лишь немногие принимались, да и то исключительно в угоду общественному мнению, — классические приемы замаскированных воздействий. То же можно сказать о публичном предложении президенту РАН академику В.Е.Фортову должности руководителя Федерального агентства научных организаций на переходный период, оставшееся без движения.

Нельзя сказать, что Наука не понимала ловушечного характера этих ходов, и «играла» как ребенок, раз за разом попадаясь на «детский мат». Наука выбрала страте-

гию переговоров с Властью, в которых она могла максимально включить свои рефлексивные возможности, и последовательно придерживалась ее. Ситуативная смена стратегий привела бы к быстрому поражению. В переговорах, пользуясь тактикой «салями» (крошечные выигрыши, накапливаясь, дали результат — победу Власти уже нельзя было назвать абсолютной, удалось убрать формулу «ликвидации РАН», получить «второй ключ» в решении вопросов научного планирования работы институтов и кадровых вопросов и т.д.), Наука, несмотря на разгромное поражение, смогла отыграть важное — базу для возрождения РАН в будущем.

В рефлексивной стратегии Власти серьезную роль играли «черные» информационные технологии, прекрасно отработанные в течение почти двух десятилетий. Залпы «грязи», раздававшиеся по команде в нужный момент, чередовались с полной блокадой информационной картины развития событий вокруг реформы РАН: ни телевидение, ни печатная пресса, за исключением отдельных немногочисленных СМИ, не давала обществу сведений о протестах, митингах, о позиции РАН, да и вообще о существовании такой проблемы.

В теории рефлексивных игр универсальной общей ценностью группы игроков является принцип запрета эгоизма: каждый игрок, входящий в группу, преследуя достижение своих целей, не должен наносить ущерб группе как целому [19, с. 205]. Этот принцип играет столь же фундаментальную роль как в классической теории игр принцип гарантированного результата, позволяющий минимизировать возможные потери игроков и используемый участниками игры, которые не хотят рисковать и рассчитывают на некий гарантированный результат при любом ходе другого игрока по следующей логике: сначала согласиться с наименьшим результатом, а затем повышать выигрыш, выбирая ходы, для которых гарантированный результат максимален.

Рефлексивная игра трех ее участников — Власти, Науки и Общества — завершилась формальной победой Власти. Точ-

нее, не завершилась, а оборвалась вследствие нарушения Властью (по незнанию?) принципа запрета эгоизма и, как следствие, разрушения самой структуры игры. Отныне группы как целого нет, рефлексивное управление в ней невозможно. В качестве инструмента остается лишь управление командное.

Десятилетие назад С.Г. Кара-Мурза точно сформулировал: «За последние 15 лет произошло повреждение и частичная деструкция структур мышления значительной части работников управления и органов власти РФ, а также их социальной базы гуманитарной и научно-технической интеллигенции. Из этой среды новые («странные») нормы и приемы мышления диффундируют в массу людей с более низким уровнем образования. Результатом стала общая неспособность рационально оценивать опасности, прогнозировать риски и осуществлять контроль над чрезвычайными событиями и процессами. Более того, неадекватные умозаключения сами становятся источниками опасности и порождают саморазрушение систем». И, доказав этот тезис рядом удивительных примеров, заключил: «Мы идем неизвестно куда, но приддем быстрее других!» [20, с. 17, 34]. Кажется, пришли.

Оценивая *post factum* действия Власти, можно сказать, что уроки Макиавелли были ею усвоены хорошо и поставленная цель (отвлекаясь от моральных соображений и действительных интересов государства) была достигнута минимальными затратами. Но перефразируя Фуко, можно сказать: предположение о «разумности» реформы РАН после анализа ситуации приводит к диагнозу «государственное умопомешательство». Уничтожить свой «золотой ресурс», обеспечивавший мощь государства, стимулировать свой «самоподрыв» как Власти, — явные признаки безумия.

Командными методами и минимальной рефлексией перераспределить властные ресурсы и добыть таким способом деньги возможно, но понять, что, будучи уничтоженной, Наука восстанавливается на интервалах порядка сотни лет, не суметь без разумной рефлексии.

1. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью 1970-1984. Часть 3. — / М. Фуко. — М.: Праксис, 2006.
2. Луман Н. Власть / Н. Луман. — М.: Прикис, 2001.
3. Dahl R. The Concept of Power / R. Dahl // Behavioral Science — 1957. — № 2.
4. Осипова Е.В. Власть: отношение или элемент системы? / Е.В. Осипова / В кн.: Власть. Очерки современной политической философии Запада. — М.: Наука, 1989.
5. Батлер Д. Психика власти / Д. Батлер. — Харьков: ХЦГИ; СПб: Алетейя, 2002.
6. Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Рефлексивные игры / Д.А. Новиков, А.Г. Чхартишвили. — М.: СИНТЕГ, 2003.
7. Мшвениерадзе В.В. Усмирение власти (политическая философия Б. Рассела) / В.В. Мшвениерадзе / В кн.: Власть. Очерки современной политической философии Запада. — М.: Наука, 1989.
8. Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. — С.-Петербург: Буланин, 2003.
9. Макаров В.Л. Государственный аудит и проектирование будущего / В.Л. Макаров / В кн.: Степашин С.В. Государственный аудит и экономика будущего. — М.: Наука, 2008.
10. Степашин С.В. Конституционный аудит / С.В. Степашин. — М.: Наука, 2006.
11. Эшби У. Введение в кибернетику / У. Эшби. — М.: Иностран. лит., 1959.
12. Дилигенский Г.Г. Психологические аспекты политического лидерства / Г.Г. Дилигенский / В кн.: Психология и психоанализ власти. Хрестоматия. Том 1. — Самара: БАХРАХ, 1999.
13. Исаев И.А. Власть и закон в контексте иррационального / И.А. Исаев — М.: Юристъ, 2006.
14. Эмбри Л. Рефлексивный анализ. Первоначальное введение в феноменологию / Л. Эмбри. — М.: Три квадрата, 2005.
15. Гегель Г. Наука логики. Том 2 / Г. Гегель. — М.: Мысль, 1971.
16. Интерфакс, 4 сентября 2013 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.interfax.ru/news.asp?id=326969#tm2>.
17. Мониторинг РОМИР, 4 сентября 2013 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://romir.ru/studies/499_1378238400.
18. Фуко М. Воля к знанию; Использование удовольствий / М. Фуко / В кн.: Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. — М.: Касталь, 1996.
19. Лепский В.Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития / В.Е. Лепский. — М.: Когито-Центр, 2010.
20. Кара-Мурза С.Г. Подрыв рационального мышления и рефлексивное управление / С.Г. Кара-Мурза // Рефлексивные процессы и управление. — 200. — Т. 3 — № 2.

Получено 11.10.2013

Ю.М. Батурин

Причини конфліктності у відносинах науки та і влади та поразка Російської академії наук у 2013 році

Із застосуванням понять теорії рефлексивних ігор у статті розглянута загальна проблема відносин науки та влади й дано теоретичне осмислення реформи РАН, проведеної урядом Російської Федерації в 2013 р.